

той крепости. М. О. Поночевный¹ и В. Ф. Гайдукевич² помещают Анатур в районе Цукурского лимана.

У исследователей прошлого столетия сохранились сведения о развалинах городища на берегу Цукурского лимана. П. Сумароков писал: «Мы увидели на берегу Сокура, лимана, соединяющегося с Кизильташским, обширные развалины. Мы сошли с тряской телеги и, обходя признаки жилищ, простирающиеся на версту, находили окопы, отломки старинных кирпичей и кувшинов с отделанными на них краями...»³ Герц же указывал, что «об этих развалинах, находящихся на северном берегу Цукура, в четырех верстах от Стеблеевки и замечательных по своей обширности, ни одним словом не упоминают другие», однако далее он пишет: «На северном берегу Цукура Ф. Ланд в одной версте на запад от Стеблеевки видел городище, где находят кости и изредка монеты»⁴. Ашик также отмечал на берегу Цукурского и Кубанского лиманов следы древних поселений⁵.

К. Герц упоминает также о письменном сообщении Б. Люценко, который утверждал, что на берегу Цукурского лимана в трех верстах к югу от Стеблеевки, есть пепелище, где находят много черепков греческой посуды. В нескольких верстах на восток от Стеблеевки, на северном берегу Кубанского лимана ближе к Широченскому посту, также находится древнее пепелище, где Сумароков видел множество курганов.

Многочисленные городища, находящиеся в районе Цукурского лимана, до сих пор ни разу не подвергались исследованию. Некрополь же, примыкающий к находящемуся под землей городищу, археологи прошлого века начинали раскапывать несколько раз — это группа цукурских курганов и в частности курган Большая Близица.

В 1864 г. Е. Забелин при раскопках Большой Близицы открыл склеп жрицы, как считал Забелин, жрицы Деметры⁶. Однако инвентарь погребения свидетельствует, по нашему мнению, против этой точки зрения Забелина. На украшениях, найденных при костяке, видно изображение Афродиты и Эрота, завязывающего богине сандалики. Слева у стены склепа найдено бронзовое складное зеркало, украшенное также рельефными изображениями Афродиты и Эрота. В изголовье стояла краснофигурная ваза с изображением Геракла, который поражает кентавра, собирающегося напасть на женщину. Рядом с этой женской фигурой находится изображение Эрота. Известен миф о нападении на Афродиту гигантов и освобождении ее Гераклом. Учитывая, что рядом с женской фигурой на указанной краснофигурной вазе находится изображение Эрота, можно предположить, что сюжетом росписи вазы послужил какой-то вариант этого мифа о спасении Афродиты Гераклом. Все эти данные о погребальном инвентаре склепа жрицы в Большой Близице свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что эта была жрица Афродиты, а не Деметры.

В 1865 г. Тизенгаузен в этом же кургане обнаружил погребение воина в роскошном деревянном саркофаге, инкрустированном слоновой костью. Бронзовый золоченый шлем воина имел форму мягкой фригийской шляпы, которую, как известно по изображениям на вазах, носили скифы.

В склепе № 1 Большой Близицы на золотом калафе погребенной здесь женщины имеются рельефы с изображением скифов или аримаснов, воюющих с грифонами. Эти

¹ М. О. Поночевный, Географический очерк Босфорского царства, «Кубанский сборник», I—II, Екатеринодар, 1891, стр. 60.

² В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 197, 201, 208, 211—214, 432, 517 и 570.

³ П. Сумароков, Досуги крымского судьи, т. II, стр. 14.

⁴ К. К. Герц, Археологическая топография Таманского полуострова, 1898, вып. 1, стр. 76.

⁵ А. Ашик, Боспорское царство, Одесса, 1848, вып. 1, стр. 76.

⁶ К. К. Герц, Археологическая топография Таманского полуострова, 1898, вып. 1, стр. 82.

захоронения датируются IV в. до н. э. Указанные особенности их инвентаря позволяют предполагать, что здесь были погребены представители местной знати, а рассмотренное выше погребение жрицы Афродиты свидетельствует, таким образом, о распространении культа Афродиты среди местного населения в районе Цукурского лимана. Об этом же свидетельствует и текст упомянутой выше надписи IOSPE, II, 343, где посвящающий герму Афродите, «владычице Апатура», называется «Демархом Скифовым», что несомненно указывает на его принадлежность к местному населению. Эту надпись Латышев датирует также IV в. до н. э.

Все эти данные, как нам кажется, подтверждают гипотезу о том, что город и залив Апатур следует искать в районе Цукурского лимана.

Н. П. Розанова

ДЕЛЬФЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

Самые ранние сведения о Первой священной войне восходят ко второй половине IV в. до н. э., следовательно, отделены более чем двухсотлетним промежутком времени от описываемых ими событий. Поэтому здесь возможны и бессознательные искажения в связи с порчей предания и тенденциозная переработка его в духе требований своего времени и, прежде всего, своего полка. Однако в буржуазной исторической литературе, посвященной специально или частично этому вопросу, часто проявляется некритическое отношение к сообщениям античных авторов и имеют место попытки перенести в далекое прошлое черты, характерные для последующего периода. Так, в качестве важнейшей причины войны выдвигают исконную вражду Фессалии с Фокидой, участие в войне Афин рассматривается как неоспоримый и само собой разумеющийся факт, и деятельность всех членов коалиции усматривается полное единомыслие, и совершенно не ставится вопрос об особых интересах Дельф, которые могли не совпадать с интересами других союзников. Между тем состояние нашей традиции дает возможность поставить некоторые из этих вопросов.

Священная война, объявленная амфиктионами соседнему с Дельфами городу Крисе, затянулась на ряд лет. Если и не принимать на веру подозрительную цифру десятилетней осады, которая приводится Каллисфеном (у Athen., XIII, 560), то все же нет оснований сомневаться в затяжном характере войны, о котором единодушно говорят источники. Борьба могла быть длительной или в силу ожесточенного сопротивления Крисы, или из-за недостаточной активности ее противников. Повидимому, тут сыграли роль оба момента. Традиционная дата окончания войны, первого ее, по решительного этапа, — 590 г. В этом году завершилась победой Амфиктионии осада Крисы, город был взят и разрушен. В честь победы были организованы Пифийские игры с денежными наградами победителям (*ἀγῶν χρηματικῆς*), повидимому, из средств военной добычи. Достоверность этой даты, засвидетельствованной в ряде источников¹, не вызывает сомнений. После падения Крисы уцелевший отряд ее защитников укрепился на горе Кирфисе, откуда оказывал упорное сопротивление в течение шести лет. На последовавших вслед за этим Пифийских состязаниях (582 г.) денежные награды победителям заменены были более дешевыми, но не менее почетными дарами — венками из посвященного Аполлону лавра. С этого времени Пифийские игры стали устраиваться, подобно Олимпийским, раз в 4 года (ранее — раз в 8 лет), в 3-й год каждой Олимпиады². Таким образом, Первая священная война длилась с конца VII до 80-х гг. VI в. до н. э.

¹ См. Marm. Par., 37; «Schol. Vet. in Pind. carm. Hypoth. Pyth.»; ср. P a u s., X 7, 4, где указан 586 г. (Ol. 48, 3).

² См. «Schol. Vet. in Pind. carm. Hypoth. Pyth.».

Причиной этой войны все источники единодушно считают действия г. Крисы по отношению к дельфийскому святилищу. Однако традиция по-разному говорит о том, в чем выразились конкретно преступления Крисы. Очень глухо о «нечестивых деяниях» Крисы говорит Эсхин в речи против Ктесифонта (107), произнесенной в период конфликта с Амфиссой. Несколько подробнее говорится о вине Крисы в так называемой Посольской речи, приписываемой Фессалу, сыну Гиппократата (*πρὸς βουλευτικὸς Θεσσαλόφ* *Ἰπποκράτους υἱός*): «Некогда крияне, став многочисленными, сильными и богатыми, воспользовались этими благами дурным образом; обнаглев, они совершили много страшного и противозаконного, проявляя нечестие в отношении бога, поработав дельфийцев, грабя соседей, обирая феоров, угоня детей и женщин и надругаясь над ними»¹. Тут, кроме «нечестивых деяний», упоминаемых Эхином, говорится о поработении дельфийцев и других соседей, об угоне женщин и детей, новидимому, в рабство². О преступлениях криян против эллинов и о том, что они грабили приближавшихся к проприцалищу, говорится и в схолиях к Пифийским одам Пиндара. Страбон (IX, 418) дополняет эти сведения, сообщая, что пошланы взимались с прибывающих в святилище из Италии и Сицилии, т. е. морским путем. Это вполне естественно, так как если по суше можно было проникнуть в Дельфы и минуя Крису, то морские подступы находились всецело в ее руках. Каллисфен в сочинении о священной войне говорил, что причиной ее явилось похищение кирриями дочерей одного фокидянина и аргивян-возвращающихся из пифийского святилища (у Athen, XIII, 560 C). Несмотря на некоторые разногласия в частности, источники все единодушны в том, что Криса тем или иным образом провинилась, нарушив священные установления.

Поскольку в войне решался вопрос о судьбе дельфийского святилища, та роль, которую играли в ней те или иные греческие государства, может в известной мере³ быть мерилом их связей с Дельфами в начале VI в. до н. э. Обычно в литературе, посвященной этому вопросу, роль общегреческого религиозного центра приписывается Дельфам уже в VII в. до н. э. Если бы это было так, то естественно было бы ожидать что на защиту поруганной святыни столь большого значения явятся аденты ее со всех сторон греческого мира. Ведь известно, что, когда в середине VI в. до н. э. надо было отстроить сгоревший дельфийский храм, объявлена была повсеместно подписка и даже египетский фараон Амасис внес свою лепту в это предприятие (Her., II, 180). Между тем при рассмотрении традиции о Первой священной войне бросается в глаза, что среди участников коалиции, создавшейся против Крисы, мы не видим ни одного представителя ионийских и островных греков. Спарта и Коринф в войне совсем не участвуют, роль Афин, подчеркиваемая аттической традицией, несомненно, преувеличена. Кроме амфикионов во главе с Фессалией, в силу своего положения выступавших против Крисы, активная роль в этой войне приписывается только Сикиону. И на протяжении десяти или более лет войны состав коалиции не расширяется; нам во всяком случае об этом ничего не известно. Между тем, когда в свое время разыгрался конфликт, на первый взгляд, локального характера между Халкидой и Эретрией на Эвбее, греческий мир разделился на два враждебных лагеря и на помощь соответственно одной и другой стороне явились Милет, Хиос и Самос, а фессалийская конница принесла

¹ Hippocrates, изд. Littré, IX, P., 1861, стр. 406 сл. = Н. Р о m t o w в «Klio», XV (1918), стр. 318 сл.

² П а в с а н и й (X, 37, 4) сообщает о нечестии жителей Кирры по отношению к Аполлону и о захвате ими части священной земли. Однако последнее утверждение явно навеяно событиями 339 г., когда поводом к войне с Амфиссой явился захватом участка священной земли (см. A e s c h., Contra Ctesiph., 107—124; D e m o s t h. De corona, 149—151). Вряд ли Криса, владевшая плодороднейшей долиной, могла покуситься на небольшой, вызывавший своим видом уныние (см. «Not. hump. in Arol. Puth.», стр. 352—354) клочок земли, принадлежавший дельфийскому храму.

³ «В известной мере» потому, что в войне могли участвовать не только ради защиты Дельф, но и в своих корыстных целях.

победу Халкиде (Thuc., I, 15, 3). Следовательно, и в ранний период греческой истории могли создаваться военные союзы большого масштаба, лишь только затрагивались коренные интересы каких-нибудь государств.

Фукидид (I, 15), говоря о событиях, предшествовавших Пелопоннесской войне, указывает, что со времени Троянского похода не было больших общегреческих предприятий. Таким образом, Первая священная война не имела общегреческого значения. Это, по нашему мнению, дает право сделать вывод, что Дельфы в начале VI в. до н. э. еще не занимали того положения, которое было ими завоевано позднее.

Тесная связь Дельф со Спартой¹, повидимому, также возникла не ранее начала или даже середины VI в. до н. э. В противном случае трудно было бы объяснить нейтральную позицию Спарты во время рассматриваемой войны. Ссылка на то, что Спарта занята была в это время войной с Тегейей², недостаточна для объяснения ее позиции, если считать, что она уже в то время взяла на себя роль покровительницы святилища. В рассказах о Крисейской войне Спарта не упоминается. Отсутствие ее в числе участников коалиции было столь естественным фактом, что не нуждалось в объяснениях.

Сложнее обстоит дело с вопросом об участии в Первой священной войне Афин. В V—IV вв. Афины проявляли большой интерес к судьбам Дельф. Естественно, что афинская историография, из которой почерпнута большая часть наших сведений о Крисейской войне, склонна всячески преувеличивать роль Афин в этом событии. Так, Эсхин (C. Stes., 107) приписывает афинянам инициативу выступления против Крисы. Правда, он осторожно прибавляет «как говорят» (ὡς λέγουσι), очевидно, сам не настаивая на этом утверждении; далее он, однако, указывает, что амфикионы, получив изречение Пифии, предписывающее воевать до полного порабощения нечестивцев, вынесли решение в соответствии с выступлением Солона (там же, 108). Плутарх в биографии Солона также говорит, ссылаясь на Аристотеля, об активной роли афинского реформатора, убедившего амфикионов отомстить за дельфийского бога киррянам, проявившим дерзость (ββρις). Однако тут же, полемизируя с Гермиппом, Плутарх отрицает непосредственное участие Солона в военных действиях, так как, по его словам, этого нет у Эхина, а в дельфийской хронике записан в качестве полководца афинянин Алкмеон, а не Солон (Solo, II). Общеизвестна тенденция греческих историков приписывать все деяния прошлого знаменитым людям. Поскольку война с Крисой происходила в период пребывания Солона у власти в Афинах, естественно, что ему, этому признанному мудрецу, приписывается и роль инициатора столь благородного дела. Сомнение вызывало также то обстоятельство, что Алкмеониды к моменту избрания Солона айсмнотом находились в изгнании и вернулись в Афины лишь в результате амнистии Солона. Но престиж Алкмеонидов в Афинах был очень быстро восстановлен, уже в 60-е гг. VI в. Мегакл, сын Алкмеона, был вождем влиятельной группировки, боровшейся против Писистрата. Поэтому возможность назначения вернувшегося из изгнания Алкмеона полководцем не исключена. Но в таком случае речь может идти о вступлении Афин в войну только во второй ее период, т. е. уже незадолго до падения Крисы. Участие самого Солона в военных операциях против Крисы весьма сомнительно. Об этом не упоминают ни Эсхин, ни, повидимому, Аристотель, а только один Гермипп, с которым полемизирует Плутарх. Наибольшее доверия заслуживает дельфийская хроника, использованная Плутархом. Там указано, что афинским стратегом был Алкмеон.

По нашему мнению, дело обстояло следующим образом. Алкмеониды были изгнаны из Афин спустя некоторое время после подавления заговора Килона, очевидно, через два-три десятилетия, так как непосредственные виновники убийства к этому времени уже умерли³. Отец Алкмеона, Мегакл, в период Килоновой смуты был архонтом (Plut., Solo, 12), следовательно, человеком по меньшей мере средних лет. Алкмеон

¹ Tirtaeus (PLG, II 4, 9); Isoc., Archidam., VI, 17; Plut., Lyc., 6.

² Как это делает, например, Низе («Historische Untersuch. A. Schäffer gewidmet», Bonn, 1882, стр. 49).

³ См. Thuc., I, 126; ср. Arist., Ath. Polit., I, 1; Plut. Solo. 12.

же к моменту изгнания, повидимому, был уже вполне зрелым человеком. Сразу же по возвращении в Афины Алкмеониды начали вновь играть там видную роль в политической жизни. Брак, заключенный между дочерью Клизфена Сикионского, Агаристой, и сыном Алкмеона, Мегаклом, свидетельствует о большом престиже Алкмеонидов в Греции (Her., VI, 131). Повидимому, во время своего вынужденного пребывания на чужбине эти предприимчивые афинские аристократы еще более обогатились и завязали дружественные отношения с родственными им по интересам группами в других греческих полисах. Когда началась война против Крисы, Алкмеон мог принять в ней участие не как уполномоченный Афин, но по своей собственной инициативе. При небольшой численности участвовавших в те времена в битвах отрядов столь богатый человек мог за свой счет вооружить небольшую группу людей и явиться на помощь Дельфам¹.

Связи Алкмеонидов с Дельфами, очевидно, восходят еще к этому раннему периоду. Так, по словам Геродота (VI, 125), Алкмеон содействовал послам лидийского царя, явившимся в Дельфы. Следовательно, он был там влиятельным лицом уже в первой половине VI в. О древности связей рода Алкмеонидов с дельфийским храмом свидетельствует старинный оракул, обращенный к Алкмеону, сыну Амфиараия, который после убийства матери не мог найти себе места на земле. Бездомный скиталец обретает себе новую родину, следуя совету оракула (Thuc., II, 102). Так, близость Алкмеонидов к прорицалищу проецируется в отдаленное прошлое. Возможно, в этой легенде отразилась и участь следующих поколений Алкмеонидов, которые вынуждены были подолгу находиться в изгнании, вдали от родных Афин. Следует учесть и связь Алкмеонидов с Сикионом, которая отмечалась выше; а ведь именно Сикион был единственным активным союзником Дельф. Таким образом, помощь, оказанная Дельфам Алкмеоном в Первой священной войне, вполне закономерна и соответствует всему, что нам известно об Алкмеонидах. То рвение, которое проявили Алкмеониды позднее, во время строительства дельфийского храма (и на этот раз находясь в изгнании), можно считать лишь продолжением традиционного для этого рода поведения в отношении Дельф. Алкмеониды со свойственным им политическим чутьем предугадали, какое значение для них может иметь поддержка Дельф, и в Греции и за ее пределами², и приложили со своей стороны все усилия, чтобы заручиться этой поддержкой.

В IV в. до н. э., когда прошлое Афин представлялось столь блестящим и не исчезло из памяти представление об афинской гегемонии в Греции, участие Алкмеона в Первой священной войне было изображено как афинское предприятие, а затем даже инициативу войны приписали Солону. Однако у нас нет свидетельств, говорящих о ранней связи Афин с Дельфами. Так, во время раскопок в Дельфах не обнаружено ни одного памятника аттического происхождения, датируемого ранее конца VI в. до н. э.³ О сравнительно позднем вхождении Афин в дельфийскую амфикионию свидетельствует и распределение голосов в совете амфикионов: в то время как все прочие участники совета имели по два голоса, Афины и Спарта имели только по одному⁴. Реорганизация Амфикионии обычно рассматривается в связи с результатами Первой

¹ Военные экспедиции, организуемые частными лицами на свой риск и страх были частым явлением в ранней Греции. Такой характер носил и поход Мильтиада против о. Пароса в начале V в. (Her., VI, 132—133). О том, что вокруг Алкмеонидов группировались их вооруженные сторонники, свидетельствуют слова Геродота о военном ослаблении Афин в связи с утверждением тирании и изгнанием Алкмеонидов (I, 59; 64).

² Близость Алкмеонидов к Дельфам объясняется не только политической ролью оракула, но и экономическим значением святилища, которое было сравнительно велико уже в VII в.

³ G. D a u x, Athènes et Delphes, «Ath. Studies pres. to W. S. Ferguson», стр. 42—43.

⁴ О том, как распределялись голоса амфикионов в Пелопоннесе, свидетельствует небольшой фрагмент декрета амфикионов, опубликованный в «Klio», XIV (1914), вып. 3, стр. 281 и сл.

священной войны. Но тогда непонятно, почему Спарта, которая вовсе не участвовала в войне, получила голос, а Афины, инициатор войны, удостоены награды ничуть не большей, чем нейтральное государство. Распределение голосов в Амфиктионии скорее всего последовало не непосредственно за Крисейской войной как результат ее, а несколько позднее, когда и Спарта и Афины вступили в более тесную связь с Дельфами. Афины скорее всего присоединились к Амфиктионии уже после Священной войны.

Требует пересмотра и то широко распространенное в литературе мнение, будто причиной, или одной из причин, войны явилась вражда Фессалии с Фокидой¹. Фессалия будто бы воспользовалась поводом, чтобы нанести удар своему давнишнему врагу Фокиде и твердой ногой стать в Средней Греции. Это утверждение не только не вытекает из античной традиции, но прямо противоречит ей. Оно скорее всего навеяно событиями Третьей священной войны, когда амфиктионы выступили против Фокиды. Источники не называют Фокиду в числе противников Амфиктионии. Понятие «амфиктионь» не расшифровано. Особо упоминается только Фессалия в связи с тем, что союзное войско возглавил фессалийский стратег Еврилох. Фокида, несомненно, входила в Пилейско-Дельфийскую Амфиктионию, и участие ее в войне на стороне лиги специально не оговорено только потому, что само собой подразумевалось. Более того, у нас есть прямое свидетельство Каллисфена, который, как указано выше, прямо говорит о столкновении Крисы с Фокидой. Несмотря на анекдотический характер сообщения Каллисфена, самый факт, однако, не может вызывать сомнения. Ведь если бы о Пелопоннесской войне мы знали только из комедии «Ахаряне», где говорится, что поводом к этой войне послужило похищение мегарянами женщины из притона Аспазии (Aristoph., *Acharn.*, 524 и сл.), то и тогда, отбросив анекдотические черты рассказа, мы получили бы вполне достоверное сообщение о том, что столкновение Афин с Мегарами сыграло роль в развязывании войны. По своему географическому положению Криса столь же легко может быть отнесена как к Фокиде, так и к Локриде. Но если даже Криса была расположена в области Фокиды, у нас нет никаких оснований утверждать, что в этот период Фокида представляла собой единую общину с централизованным управлением и общей политикой². Да и в этом случае Криса, крупный центр торговли и мореходства, город, славившийся своими богатствами, могла сохранять свою самостоятельность и вести политику, независимую от других городов Фокиды. Это был скорее всего совершенно самостоятельный полис типа Сикиона, Коринфа и других. Более того, отдельные указания источников дают основание предполагать, что Крисе было подчинено несколько окрестных поселений³, которые участвовали в войне на ее стороне и в результате войны были стерты не только с лица земли, но и памяти следующих поколений.

После победы Амфиктионии Фокида сохранила свои два голоса в совете амфиктионов, что не могло бы произойти, если бы Фокида участвовала в войне на стороне Крисы⁴. Попытки толковать позицию Фокиды как нейтральную ничем не обоснованы и ничего не объясняют. Итак, Фокида, вероятнее, всего участвовала в войне на стороне Амфиктионии.

¹ На этой точке зрения стоял, например, Г. Г л о т ц., *Histoire grecque*, I, P., 1925, стр. 255, и Э. М е й е р, *GdA*, III², стр. 619—620, 708. Отсутствие в традиции о Первой священной войне упоминаний о вражде фокидян с дельфийским жречеством отмечает В п л а м о в и ц, «*Arist. u. Athen*», I, стр. 20, 21, прим. 32. Криса, по его мнению, является городом Локриды; М. К е р и (*САН*, III, 604) говорит о столкновении двух фокидских общин — Крисы и Дельфы.

² Пример синойкизма Аттики свидетельствует о том, что процесс централизации и объединения общин одной области был длительным и трудным.

³ Так, Эхин (III, 107) упоминает о Кравгаллидах; о других поселениях см. Н и р р о с г а т е s., изд. Littré, IX, стр. 406. Ср. Н е s у с h., s. v. Κραυαλλίδαι.

⁴ После войны 356—348 гг. Фокида, как известно, была отлучена от дельфийского храма и лишилась своих голосов в совете амфиктионов (см., например, Р а u s., X, 3, 2).

Неубедительным представляется и утверждение о том, что в это время имела место ожесточенная борьба Фессалии с Фокидой. Уже а priori можно предположить, что эта вражда и столкновения на почве территориальных претензий Фессалии начались тогда, когда последняя твердой ногой стала в соседней с Фокидой области. Упрочение позиций Фессалии в северной части Средней Греции и возвышение ее престижа явились естественным результатом священной войны. Решающую роль в сухопутной борьбе (как и во время Мелантской войны) сыграла фессалийская конница. Фессалец Еврилох стал, естественно, главнокомандующим всей союзной армией. После этого и, весьма вероятно, в силу этого Фессалия получила руководство Пифийскими играми и председательство в совете амфиктионов — привилегии, сохранявшиеся ею и в то время, когда роль Фессалии в общегреческих делах была совсем незначительной. Если допустимы аналогии по внешнему сходству, то вспомним, что и Филипп II, готовясь к наступлению в глубь Греции, прежде всего заручился плацдармом в области Дельф, что Рим, столкновение которого с Карфагеном было исторически неизбежным, вплоть до окончательного завоевания Италии поддерживал дружеские отношения со своим будущим противником и шел даже на заключение союзов с ним. У нас нет оснований полагать, что и Фессалия, до утверждения своего преобладающего влияния в областях к северу от Фокиды, шла на столкновение с ней. Это априорное суждение подтверждается свидетельствами источников — Геродота и Павсания¹, которые рассказывают об ожесточенной борьбе фокидян против фессалиян незадолго до нашествия мидян на Элладу, но вовсе не относят ее в далекое прошлое. У нас, таким образом, нет оснований возводить вражду Фессалии с Фокидой к периоду, предшествовавшему священной войне. Фессалийская конница под командованием Еврилоха способствовала взятию Крисы: отряд, возглавленный фессалийцем Гишием², уничтожил закрепившиеся на Кирфисе остатки крисян. Это обеспечило Фессалии ведущую роль в Амфиктионии в начале VI в. до н. э. и дало ей возможность совершить ряд попыток, правда, не увенчавшихся успехом, распространить свое влияние на юг, вплоть до Беотии³. Сближение Дельф со Спартой в начале VI в. могло повлечь за собой уменьшение влияния Фессалии на дельфийские дела. Это могло быть результатом и военных неудач Фессалии.

Значительный вклад в дело победы над Крисой внес Сикион. Правда, сообщения об участии Клизифена Сикионского восходят к сикионскому источнику — локальному историку Менехму⁴, однако сомневаться в достоверности этого факта не приходится; Сикион был особо заинтересован в устранении своего торгового соперника, господствовавшего в Крисейском заливе, и правы исследователи, которые говорят, что Сикион не мог оставаться равнодушным и стоять в стороне, когда решался вопрос о Крисе. Клизифен, согласно традиции, выстроил даже особый флот, чтобы блокировать Крису с моря⁵. После окончания войны взаимоотношения между ее участниками значительно изменились. Известно, что когда союзник Дельф сикионский тиран Клизифен обратился в Дельфы с просьбой санкционировать отмену культа героя Адраста, он получил не просто отказ, но отказ в чрезвычайно резкой и оскорбительной для него форме⁶.

¹ См. Н е г., VII, 178; VIII, 27—28; P a u s., XI, 1—2; ср. P l u t. De mulier virt., 24. Остатки стены, воздвигнутой фокидянами против фессалиян, археологи датируют VII—VI в. Возможно, что поражение фессалийцев в борьбе с фокидянами вызвало ослабление первых в Дельфах. Так, Фессалия заключила союз с находившимся в изгнании Писистратом, и фессалийская конница способствовала его возвращению в Афины.

² См. «Schol. vet. in Pindari carmina. hypoth. Pyth.».

³ Связи Фессалии с Дельфами, несомненно, предшествовали Первой священной войне. Следы этой древней связи сохранились в традиции: см. P l u t., Moral., 492A; P a u s., X, 16,8; «Hom. Hymn. in Apoll. Pyth.», стр. 6 и сл.

⁴ См. «Schol. Pind. Nem.», ed. E. A b e l, IX, 2; D i o d., IX, 16; P a u s., II, 9, 6; X, 37, 5—6; X, 7, 7; P o l y a e n., III, 5, VI, 13.

⁵ См. «Schol. Pind. Nem.», ed. E. A b e l, 1884, стр. 255—256.

⁶ См. Н е г., V, 67; ср. D i o C h r y s., III, 41.

Не решая вопроса о достоверности этого оракула, мы отметим лишь явно выступающую здесь враждебную в отношении Клизфена тенденцию. Известно далее, что Клизфен на средства, полученные от военной добычи, учредил в Сикионе свои Пифийские игры¹. Дельфийское жречество очень косо смотрело на организацию пифийского культа за пределами Дельф, так как это нарушало монопольное положение святилища. И Писистрат в Афинах, и Поликрат на Самосе, делавшие такие попытки², отнюдь не находились в тесной дружбе с Дельфами. И если оракул, данный Клизфену в Дельфах, можно было отнести к периоду до Первой священной войны, то уж во всяком случае учреждение Пифийских игр никак не предшествовало войне, а было известной мерой ее результатом. С другой стороны, и сам Клизфен, повидимому, не стремился спихнуть себе расположение дельфийцев после окончания войны. Сикион был кровно заинтересован не только в ослаблении, но и в окончательном уничтожении Крисы для того, чтобы утвердить господство своего флота в заливе³. С областями Средней Греции Сикион мог общаться через Иетм, минуя посредничество Крисы. Но суда, плывущие в Сицилию, Италию и обратно, неминуемо проезжали мимо гавани Крисы или сталкивались с принадлежавшим Крисе флотом. После разрушения Крисы и срытия ее гавани опасность с этой стороны была уничтожена, и союз с Дельфами перестал интересовать сикионского тирана.

С другой стороны, Дельфы, повидимому, не были заинтересованы в окончательном уничтожении Крисы. В гомеровском гимне к Аполлону, где, по нашему мнению, выражены чаяния и притязания дельфийского жречества незадолго до Священной войны, Криса упоминается в весьма миролюбивом тоне. Правда, в гимне подчеркивается полная независимость дельфийцев от Крисы, которые будто бы были поселены в области Иффо самим Аполлоном и по требованию бога должны были заниматься только служением его храму. Но дальше этого требования дельфийского жречества, повидимому, не шли. Ему была нужна только автономия, независимость, возможность распорядиться внутренними делами общины. Само существование Крисы, при условии гарантии ее невмешательства во внутренние дела Дельф и запрета взимать пошлины с направляющихся в святилище паломников, сулило дельфийской общине целый ряд благ (безопасность морских путей, оборудованную гавань, близость большого торгового центра, возможность приобретения различных товаров и т. д.). Полное уничтожение Крисы и истребление ее жителей, повидимому, не входило в первоначальные планы дельфийцев. Решающую роль в этой жестокой расправе волевого сокрушения Крисы, Сикионский, у которого были все основания желать полного сокрушения Крисы, В этой связи заслуживает внимания клятва дельфийских амфиктионов, сохранившаяся у Эхива (De f. leg., 115). Эту форму клятвы часто распространяют на все существовавшие в Греции амфиктионии. Между тем это не соответствует действительности. Клятва в этом виде засвидетельствована только для Дельфийской амфиктионии и больше нигде не повторяется. В ней имеется статья, запрещающая членам Амфиктионии если они воюют друг с другом (что не возбранялось), разрушать города противника и отрезать его от проточной воды. В отношении Крисы, согласно традиции, было сделано и то и другое⁴. Итак, дельфийские амфиктионы сами нарушили свою собственную клятву. Это объясняют обычно тем, что Криса поступила нечестиво, и по отношению к ней правила Амфиктионии перестали действовать. Нам представляется вероятным, что клятва была принята амфиктионами не до, а после войны и что инициатором ее являлось дельфийское жречество (характерно, что язык клятвы очень близок к языку, обычному для оракулов). Расправа с Крисой, повидимому, шла гораздо дальше первоначальных намерений Дельф. Маленькая дельфийская община, число

¹ См. «Schol. Pind. Nem.», IX, 20.

² S u i d., s. v. Πυθία и πύθια σοι; Th u s., VI, 54, 6.

³ Коринф, повидимому, за это время был ослаблен. Косвенным подтверждением этого является его пассивность в войне, которая велась в области Крисейского залива

⁴ См. H i r r o c r a t e s, изд. L i t t r é, IX, стр. 412; P a u s., X, 37, 4; F r o n t i n, III, 7, 6; P o l y a e n., VI, 13.

граждан которой в лучшее время не превышало 1000 человек, была вынуждена искать себе покровителя за пределами Амфикионии, внутри которой не прекращалась борьба за преобладающее влияние в Дельфах. Вскоре после Крисейской войны Дельфы нашли себе опору в лице Спарты, но на первых порах, несомненно, был период некоторой растерянности и недовольства слишком большим рвением противников Крисы. Это недовольство могло быть одной из причин неприязненного отношения Дельф к Клизфену Сикионскому, а в уставе Амфикионии оно нашло свое выражение в клятве, запрещавшей под угрозой суровой расправы применять в войнах между членами Амфикионии те жестокости, которые имели место во время Крисейской войны.

После окончания войны вся плодородная территория, принадлежавшая Крисе, была объявлена священной, с запретом ее обрабатывать под страхом сурового наказания¹. Традиция утверждает, что это было сделано по требованию оракула; когда осада затянулась, а успехи амфикиониев все еще были незначительными, они обратились за советом к богу; полученное в ответ не совсем ясное изречение Пифии о том, что волны голубоглазой Амфитриты будут омывать священный участок², было понято как требование посвятить богу всю область Крисы. Это было выполнено, и победа, само собой разумеется, явилась. Понятна заинтересованность Дельф в расширении священного участка. Восстановления богатого центра вблизи побережья Крисейского залива не желали и другие участники коалиции, прежде всего Сикион. Но запрет возделывать отнятую у Крисы землю, на первый взгляд, противоречил интересам дельфийцев, которые жили в скалистом и мало пригодном для земледелия месте. Плодородная земля очень высоко ценилась в гористой Греции, из-за владения даже небольшими участками велись кровопролитные войны между соседними государствами. А тут большая, славившаяся своим плодородием и виноградниками полоса земли должна была пустовать. В литературе было высказано мнение, что запрет обрабатывать Крисейскую землю исходил от других участников войны, которые опасались, что Дельфы займут место Крисы в хозяйственном отношении и что, следовательно, этот запрет был установлен вопреки желанию дельфийцев. Между тем гомеровский гимн к Аполлону, свидетельствующий, по нашему мнению, о программе дельфийского жречества в период подготовки Священной войны, подчеркивает требование бога, чтобы призванные им и поселенные в Пифо люди ничем иным не занимались и ни о чем другом не думали, кроме как о храмовых делах; доходы от храмовой службы обеспечат их всем необходимым³. Дельфийское жречество, стремившееся создать в Дельфах святилище общегреческого значения, понимало, что этого можно достигнуть лишь ценой отказа от занятий хозяйственными делами, не связанными с интересами храма. Всякое покушение на независимость общины, живущей только храмовыми доходами, и ее богатства рассматривались как святотатство, так как богатства эти считались достоянием бога. Святилища и храмовая казна были и в других греческих полисах, и там государственная казна часто хранилась в храме какого-либо божества и, таким образом, ставилась под его защиту. В Дельфах же не только государственная казна находилась под покровительством бога, но все имущество общины рассматривалось как достояние бога, и это было важной гарантией безопасности. Отказ от занятия земледелием и торговлей в крупном размере вовсе не означал отречения от мирских интересов. Служба в храме и храмовые доходы сулили не малые поступления и в руки частных лиц. Население Дельф извлекало также большие доходы, обслуживая многочисленных паломников, прибывавших из разных углов греческого мира, главным образом на время празднеств. Сама организация дельфийских празднеств, где, кроме музыкальных и гимнастических состязаний, происходили гонки колесниц, стала возможной лишь благодаря присоединению Крисейской равнины к священному участку. Пифийские игры, придавшие большой

¹ См. A e s c h., C. Ctesiph., 108; ср. P a u s., X, 37, 5.

² См. A e s c h., C. Ctesiph., 112; ср. D i o d., IX, 16; P a u s., X, 37, 4; I s o c r., XIV, 31.

³ См. «Hom. hymn. in Apoll. pyth.», стр. 355—360.

